

УДК 94
ББК 63.3(2)
Д73

*Издание осуществлено на средства
Германского исторического института в Москве*

Проект поддержан Фондом Герды Хенкель AZ 38/F/16

Д73 Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства / отв. сост. А. В. Доронин; отв. ред. серии А. В. Доронин. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 399 с. : ил. – (Post-Древняя Русь: у истоков наций Нового времени).

ISBN 978-5-8243-2115-9

Сборник подготовлен по результатам одноименной конференции, состоявшейся в ноябре 2015 г. в Минске. Он посвящен тому, как восточные славяне, а также политические и интеллектуальные элиты государств, между которыми они оказались разделены в конце XV – середине XVIII в., инструментализировали наследие Древней Руси в поисках новых надрегиональных идентичностей в условиях разнонаправленных векторов исторического развития и взаимодействия многообразных регионализмов.

Этот сборник открывает серию публикаций Германского исторического института в Москве «Post-Древняя Русь: у истоков наций Нового времени».

Книга адресована специалистам по восточно- и общеевропейской истории раннего Нового времени, а также интересующимся проблемами современного нациогенеза.

УДК 94
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8243-2115-9

© А. В. Доронин, составление, 2017
© Коллектив авторов, 2017
© Германский исторический институт
в Москве, 2017
© Политическая энциклопедия, 2017

ВВЕДЕНИЕ К СБОРНИКУ

Внесенный на ваш суд сборник открывает новую серию публикаций Германского исторического института в Москве: «Post-Древняя Русь: у истоков наций Нового времени». Он подготовлен в рамках инициированного ГИИМ и поддержанного Фондом Герды Хенкель проекта «Восточные славяне в поисках новых надрегиональных идентичностей (кон. XV – сер. XVIII в.) в контексте зарождения современных наций в Европе». «Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства» – так называлась первая в рамках проекта конференция. Она состоялась в Минске 4–6 ноября 2015 г. Ее организаторами являлись Германский исторический институт в Москве и Республиканский институт высшей школы Республики Беларусь. В ней приняли участие историки из Беларуси, Украины, России, Польши, Литвы, Германии. Было отрадно, что в условиях нарастающей политической конфронтации на востоке Европы и в Европе в целом коллеги смогли и захотели сообща на профессиональном уровне обратиться к столь сложному, (много) национально окрашенному и «горячему» дискурсу.

Задачей конференции было проследить, как православная «русь» и политическая элита государств, между которыми «русь» оказалась разделена в этот период, инструментализировали наследие Древней Руси в поисках новых, современных надрегиональных идентичностей в условиях разнонаправленных векторов развития и многообразных регионализмов, сосуществования, противоборства и взаимообогащения разных исторических альтернатив и вариантов их легитимации.

Идею обратиться к Руси после Древней Руси как к некоему самостоятельному культурному и историческому феномену раннего Нового времени (на общеевропейской шкале истории), а также концептуальной модели и единому исследовательскому пространству

П. С. Стефанович

ЛЕГЕНДА О ПРИЗВАНИИ ВАРЯГОВ В ИСТОРИОГРАФИИ XVI–XVII вв.: ОТ СРЕДНЕВЕКОВЫХ МИФОВ К РАННЕМОДЕРНЫМ*

Не только книги имеют свою судьбу, но вообще тексты. Судьбы текстов – это их бытование в культуре, т. е. главным образом в читательской среде. Новые поколения читателей обращаются к текстам, в т. ч. древним, давно известным и укорененным в культурной традиции, со своими интересами и запросами, понимают их по-новому, предлагают свои интерпретации, а часто изменяют и перерабатывают их.

Свою судьбу в древнерусской, а затем русской, украинской и белорусской культурах имел текст, известный под названием «Сказание (или Легенда) о призвании варягов» (далее – Сказание). Важный этап историко-культурной судьбы Сказания приходится на эпоху Раннего Нового времени XVI–XVII вв., когда в русских и украинских исторических сочинениях оно подвергается редактуре и переработкам и обретает тем самым новые смыслы и новый *Sitz im Leben*. Интерес восточнославянских книжников и писателей к этому произведению связан, с одной стороны, с развитием официальной московской историографии, призванной обозначить основания правящего режима в прошлом (и тем самым легитимировать и возвеличить его), а с другой – с появлением в обществе сознания, которое можно обозначить как «протонациональное», т. е. предвосхищающее эпоху современных наций. Как именно понимали, интерпретировали и изменяли текст Сказания в важнейших памятниках XVI–XVII вв., этому посвящена настоящая статья.

* Работа написана по проекту «Этническое взаимодействие и становление древнерусской государственности (IX – первая треть XIII в.)» в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

Сказание – относительно небольшой фрагмент древнейшего летописания Руси. Оно рассказывает о том, как некоторые народы («племена»), обитавшие на севере Восточной Европы (славянские, финские и, возможно, балтские), сначала страдали от притеснений варягов «из-за моря» и выгнали их, а затем оказались неспособны справиться с внутренними неурядицами и позвали «княжить и владеть» других варягов – трех братьев князей Рюрика, Синеуса и Трувора. Призванные варяги обосновались в Новгородской земле, и от них пошло название *русь*, а старший из братьев Рюрик стал основателем правящей на Руси династии.

В разных летописях этот рассказ изложен с расхождениями фактического характера, хотя основной сюжет везде представлен без изменений. Относительно небольшие разночтения есть в летописях, отразивших разные редакции «Повести временных лет» (ПВЛ) – свода, составленного в 1110-х гг.² В существенно иной версии, по сравнению с версией ПВЛ, рассказ представлен в Новгородской 1-й летописи младшего извода (Н1Лм)³. Здесь Сказание не только в другом виде, но и в ином контексте: оно помещено в одну статью под 6362(854) г. с рядом сообщений из ранней истории Руси. В ПВЛ эти сообщения разнесены в разные годовые статьи, в частности разделены и текст Сказания: в основном он находится в статье 6370(862) г., но первая его фраза – в статье 6367(859) г.

Для выяснения, как образовались расхождения и как мог выглядеть первоначальный текст, очень много сделал А. А. Шахматов. Он пришел к выводу, что в Н1Лм отразился более ранний, по сравнению с ПВЛ, летописный свод («Начальный свод») и Сказание здесь имеет вид ближе к первоначальному⁴. Хотя аргументация Шахматова в уточненном виде находит подтверждение на современном уровне научных знаний⁵, вопросы истории текста Сказания и его исторической достоверности остаются и многочисленными, и дискуссионными.

Однако в данном случае эти вопросы можно оставить в стороне, т. к. речь пойдет о том, как Сказание воспринималось в эпоху,

² Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 1. Л., 1926. Стб. 19–20; Т. 2. СПб., 1908. Стб. 13–14.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 106–107.

⁴ См.: Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов // Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. СПб., 2003. С. 185–231 (1-е изд.: 1904).

⁵ См.: Стефанович П. С. «Сказание о призвании варягов», или *Origo gentis russionum?* // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 2010 г.: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 513–582.

далеко отстоящую от времени его создания и первоначального редактирования. В XVI–XVII вв. был известен практически только его вариант по ПВЛ, который воспринимался как традиционный и «канонический» (что, впрочем, не мешало экспериментировать с ним). С другой стороны, главное идейное содержание, которое заставляло книжников позднего времени размышлять над текстом и его перерабатывать, свойственно обоим вариантам Сказания – и по ПВЛ, и по Н1Лм. Фактическими расхождениями разных версий в данном случае можно пренебречь.

В идейном плане в Сказании легко распознаются два основных комплекса мыслей и представлений, которые, мне кажется, правильно назвать идеологемами или, точнее, мифами, имея в виду миф в том значении, какое ему усваивается в семиотике и нарратологии⁶. Такой миф – как будто *просто* рассказ о реальности, но на самом деле это сообщение, хотя и отталкивающееся от реальных фактов, интерпретирующее или даже извращающее их так, чтобы, преподнеся их в русле определенной идейно-политической тенденции, создать соответствующую установку в понимании действительности у реципиентов (читателей).

Первый миф Сказания – политико-династический. Суть его в обосновании права тех, кто считает себя потомками Рюрика, владеть Русью. Рюрик выступает носителем законности и порядка, и он приходит по приглашению народа, который сам признал свою неспособность к самоуправлению. Этот сюжет развивается в соответствии с моделью, широко распространенной в средневековой историографии, согласно которой цивилизация приходит с княжеской (королевской) властью, несущей справедливость и «добрые нравы» тому или иному народу, пребывавшему до тех пор в раздорах и безнравственности. *Cum rege et lege* безначальный народ превращается в общественный и государственный организм⁷. Народ передал власть Рюрику, а тот передает ее своему сыну (Игорю) по наследству, и так возникает династия, представители которой могут смотреть на Русь как на свою «отчину». Как писал С. В. Бахрушин об обоих вариантах рассказа о призвании варягов (по Н1Лм и ПВЛ): «И в первоначальной повести, и в её позднейшей редакции основная мысль в том и состоит, что законными князьями всей Русской земли являются одни потомки Рюрика»⁸.

⁶ См., напр.: Барт Р. Мифологии / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Н. Зенкина. М., 2010.

⁷ Banaszkiwicz J. Polskie dzieje bajeczne mistrza Wincentego Kadłubka. Wrocław, 2002 (1-е изд.: 1998). С. 7–43.

⁸ Бахрушин С. В. [К вопросу о достоверности Начального свода] // Бахрушин С. В. Труды по источниковедению, историографии и истории

Второй миф – этногенетический. Он устанавливает происхождение руси (как народа). Для этого используется тоже обычная для средневековой литературы «миграционная» модель: появление того или иного народа на исторической сцене (и на соответствующей территории) объясняется как приход откуда-то извне. В Начальной летописи происхождение народа руси связывается с варягами, т. е. скандинавами, пришедшими из балтийского региона: «от тех варяг» «прозвашася русь», пишет древний летописец. Об этой стороне содержания Сказания много писали, в т. ч. в последнее время⁹.

После того как в 1110-е гг. текст древнего Сказания оформился усилиями составителей ПВЛ, признаков особого внимания к нему в летописях не обнаруживается вплоть до конца XV в. Впервые такое внимание проявляет московское великокняжеское летописание 1470-х гг., когда описывает присоединение Новгорода к Москве. Особенно в статьях 1471 и 1479 гг., где речь идет о решающих событиях конфликта и излагаются аргументы московской стороны, находим неоднократные ссылки на Рюрика как основателя династии, которая единственная имеет право владеть всеми русскими землями, включая Новгород¹⁰. При этом приводятся эксплицитные ссылки на Сказание такого рода: Новгород – «отчина тех великих князей и от первого великого князя нашего Рюрика, его же по своей воле взяла земля наша из варяг князем себе и сь двема братья его»¹¹.

В сущности, мы имеем дело с инструментализацией исторического прошлого в интересах текущей политики, и такого рода методы политических пропаганды и риторики применялись на Руси задолго до 1470-х гг., в т. ч. и великими князьями в отношении с Новгородом. Но прямые отсылки именно к Сказанию появляются здесь впервые. Сам по себе этот факт не вызывает удивления – обоснование притязаний Рюриковичей на Новгородскую землю с помощью Сказания вполне естественно, поскольку в нем династический миф излагался применительно именно к этой области. Для эксплуатации этого мифа древний текст не нужно было даже как-то интерпретировать, он вполне сгодился в «чистом виде»¹².

России эпохи феодализма (научное наследие) / сост. Л. Г. Дубинская, А. М. Дубровский; отв. ред. Б. В. Левшин. М., 1987. С. 29 (написано в 1930-е гг.).

⁹ Петрухин В. Я. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. М., 2013. С. 134–181.

¹⁰ Ср.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 356–361.

¹¹ ПСРЛ. Т. 25. М., 1949. С. 285.

¹² Политическая риторика московских властей содержала и другие аргументы (особенно важен был религиозный момент – Новгород обвинялся в измене православию), но здесь не место их разбирать.

Изменения в текст Сказания вносят уже в XVI в., на дальнейших этапах развития московского летописания. Причины были двойки: литературного характера и политического. Первые сказываются больше в Никоновской летописи – памятнике, вышедшем из митрополичьей канцелярии.

Никоновская летопись в ее первоначальной редакции была составлена в 1520-е гг. при непосредственном участии митрополита Даниила, выходца из Иосифо-Волоколамского монастыря (на кафедре в 1522–1539 гг.). Одним из важных источников летописи был «Русский Хронограф»¹³ – произведение, в котором излагалась всемирная история в «хронографической» манере. «Русский Хронограф» был создан, видимо, несколько раньше Никоновской (согласно Б. М. Клоссу, в 1516–1522 гг.), но работа над его дальнейшим редактированием осуществлялась в 1520-е – 1530-е гг. в тех же кругах, связанных с Иосифо-Волоколамским монастырем и митрополичьей кафедрой. Это объясняет не только текстуальные переключки между Никоновской летописью и «Русским Хронографом», в т. ч. и в тех фрагментах, которые восходят к Сказанию¹⁴, но и несомненное родство композиционно-литературных приемов. Эти приемы Д. С. Лихачёв характеризовал как введение «морально-учительного и баснословного элемента», «риторическое распространение» и психологические объяснения деяний исторических героев¹⁵.

Такая методика ясно видна в обращении составителя Никоновской летописи со Сказанием¹⁶. Текст Сказания искусственно разбит на три года (6367, 6369 и 6370), видимо, для создания хронологической последовательности «правления» Рюрика, и введены беллетризованные сюжетные ходы или дополнения «развлекательно-украшательного» свойства (например, детали совещания о «призвании», указание, что варяги боялись идти к призывающим их народам из-за «звериного их обычая и нрава» и т. п.). Амплификации могут разрастаться и в отдельные сообщения (примыкающие к Сказанию), не имеющие никаких аналогий и следов происхождения, например сообщение о мятеже новгородцев во главе с неким Вадимом против Рюрика (под 6372 г.). Эти сведения не вызывают доверия, и в них, по справедливому замечанию современного историка, следует видеть «искусственные конструкции летописца XVI века»¹⁷. В данном слу-

чае важно указать, что появление этих конструкций обусловлено не идеологически, а литературно – целью автора было «расцветить разными красками “скучное” летописное повествование»¹⁸. В то же время примечательно, что «расцветивается» только центральный сюжет о призвании и связанное с ним описание отношений Рюрика и новгородцев, т. е. то, что связано с политико-династическим мифом. Этногенетический миф, заложенный в Сказании, не находит никакого развития в Никоновской летописи.

Явные политические и идеологические причины вмешательства в текст Сказания просматриваются в другом памятнике – Воскресенской летописи. Эта летопись сохранилась в редакции начала 1540-х гг., но работа над первоначальной ее редакцией была начата, видимо, еще в конце 1520-х гг., т. е. практически параллельно с составлением Никоновской¹⁹. Первоначальные редакции обеих летописей независимы друг от друга.

Создание Воскресенской летописи надо связывать скорее с великокняжеским двором и высшей знатью. Эта связь объясняет и переработку Сказания, которая заключалась, по сути, во вставке легенды о происхождении Рюриковичей от римского императора Августа. На эту вставку давно уже обратили внимание в литературе; в частности, Я. С. Лурье назвал ее «важнейшим добавлением к тексту предшествующего летописания»²⁰. Не ясно, на каком этапе редактирования Воскресенской летописи в 1530-е – начале 1540-х гг. была внесена вставка, но очевидно ее происхождение.

Легенда была заимствована из какого-то из двух памятников общественной мысли, созданных, видимо, в 1510-е – 1520-е гг., – «Послания о Мономаховом венце» и «Сказания о князьях Владимирских». Ее суть состоит, как известно, в утверждении, что Рюрик – прародитель русских князей – происходил из рода Пруса, который был братом Августа, «царя римского», обосновался на побережье Балтийского моря и дал имя «Прусской земле». В легенде используется сюжет «призвания», но он приспособлен к этому главному «династическому» тезису: инициатива призвания приписана только «новгородцам», во главе которых стоит «некий воевода» Го-

¹⁸ Там же. С. 45.

¹⁹ Сиренов А. В. О времени создания Воскресенской летописи // Историография и источниковедение отечественной истории: Сб. научных статей и сообщений. Вып. 7: Историческое повествование в Средневековой России. К 450-летию Степенной книги. Материалы Всероссийской научной конференции, (10–11 октября 2013 г.) / ред. А. Е. Жуков. М.; СПб., 2014. С. 124.

²⁰ Лурье Я. С. Россия древняя и Россия новая. Избранное. СПб., 1997. С. 69.

¹³ Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 169–177.

¹⁴ Там же. С. 174.

¹⁵ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 349–354.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 9. СПб., 1862. С. 8–9.

¹⁷ Пчелов Е. В. Рюрик. Серия: ЖЗЛ. М., 2010. С. 51.

стомысл, а призванные Рюрик, Синеус и Трувор представлены не варягами, а выходцами из нескольких прибалтийских городов «Прусской земли»²¹. Автор явно опирался на Сказание в его традиционной версии, но добавил в нее Гостомысла, упоминание о котором как о первом легендарном посаднике Новгорода перешло из новгородской летописной традиции в общерусское летописание XV в.²²

Легенда отвечала и актуальным политическим потребностям (в конце 1510-х – начале 1520-х гг. вопрос о статусе соответствующих прибалтийских городов имел острую политическую актуальность в отношениях Москвы, Польши и Тевтонского ордена), и задачам возвеличивания правящей династии на международной арене, причем метод поиска авторитетных предков правителя заимствовался из широко распространенных в Европе того времени генеалогических легенд²³. Создание «римской легенды» приписывается обычно Спиридону-Савве, автору «Послания о Мономаховом венце», который отождествляется с Киевским митрополитом Спиридоном, яркой фигурой церковной истории и истории общественной мысли Восточной Европы второй половины XV – начала XVI в.²⁴

В Воскресенской летописи легенда практически в том же виде, что и в «Сказании о князьях владимирских», помещена в статью 6367 г., где излагается традиционная версия Сказания о призвании варягов²⁵. Поскольку вставка сделана чисто механически, получилось грубое совмещение двух легенд, построенных вокруг одного сюжета призвания, но расходящихся в целом ряде деталей. В одной легенде говорилось о новгородцах во главе с Гостомыслом, замысливших «призвание», в другой – о разных народах без упоминания Гостомысла, в одной – о приходе Рюрика из Прусской земли, в другой – из варяг (хотя в окончании рассказа о «призвании» в статье 6370 г. сказано, что Рюрик с братьями вообще пришли «отъ нѣмецъ») и т. д. А. Л. Гольдберг совершенно верно заключал: «Составитель Воскресенской летописи не пошел дальше механиче-

²¹ Сказание о князьях Владимирских / ред. Р. П. Дмитриева. М.; Л., 1955. С. 129, 162, 175.

²² Гостомысл упоминался во вводном рассказе о расселении славян, см., например: ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915. С. 3; Т. 25. С. 338.

²³ Гольдберг А. Л. Историко-политические идеи русской книжности XV–XVII вв. // История СССР. 1975. № 4. С. 63–67.

²⁴ Недавно были высказаны сомнения в отождествлении автора «Послания» с митрополитом Спиридоном (Ульяновский В. И. Митрополит Київський Спиридон. Образ кризь епоху, епоха кризь образ. Київ, 2004. С. 28–35). На мой взгляд, эти сомнения недостаточно обоснованы, но в данном случае проблему авторства можно оставить за скобками.

²⁵ ПСРЛ. Т. 7. СПб., 1856. С. 267–268.

ского сочетания старой (варяжской) и новой (римской) версий происхождения русских князей, и поэтому картина у него получилась весьма противоречивой»²⁶.

Таким образом, не просматривается никаких усилий составителей Воскресенской летописи в литературно-композиционной организации нарратива по теме «откуда пошла Русская земля», но очевиден их интерес к самой этой теме. Когда они обратились к новой династической легенде (происхождение Рюрика от Августа), этот интерес оставался в рамках все того же политико-династического направления, намеченного еще в XI в., но приобретшего новое звучание в особых «геополитических» условиях выхода Московского государства на международную арену.

Однако важно не упустить из виду, что составителям летописи не было совершенно чуждо и «этногенетическое» направление исторических поисков. Дело в том, что они приводят некоторые новые сведения о происхождении не только династии, но и народа руси. Эти сведения приводятся не в хронологической части летописного нарратива, а во вводной, где, следуя ПВЛ, рассказывалось о расселении народов, в т. ч. и славянских. Здесь мы находим еще одну вставку, осуществленную так же механически, как и вставка «римской легенды», – замечание о названии руси: «И пришедше словѣне съ Дуная, и съдше у езера Ладожьскаго, и оттолѣ прииде и съдоша около озера Илменя, и прозвашася инимъ именемъ, и нарекошася русь рѣкы ради Руссы, иже впадоша во езеро Илмень, и умножився имь, и содѣлаша градъ, и нарекоша Новградъ» и т. д.²⁷

Вставное замечание, выделенное мною курсивом, противоречит Сказанию, которое возводит название «русь» к варягам, пришедшим «из-заморья». Никаких аналогий в древнерусской литературе оно не находит, и только Герберштейн приводит некое «мнение», что название Russia происходит «от имени древнего города Русы, неподалеку от Новгорода Великого»²⁸. По-видимому, это была какая-то фольклорная легенда (скорее всего, новгородская, но ставшая известной в Москве), которая связала название реки и города с этносом по методу «народной этимологии». В самом этом факте нет ничего удивительного, но он свидетельствует о том, что «этногенетический миф» древнего Сказания имел питательную почву в фольклоре, а значит, и способность к актуализации и обновлению в России раннего Нового времени.

²⁶ Гольдберг А. Л. Указ. соч. С. 67.

²⁷ ПСРЛ. Т. 7. С. 262.

²⁸ Герберштейн С. Записки о Московии: В 2 т. / ред. А. Л. Хорошкевич; пер. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. Т. 1. М., 2008. С. 34–35.

Тем не менее магистральный путь, на котором шли переработки Сказания в XVI в., лежал в развитии политико-династического мифа. Это ярко демонстрирует «Книга степенная царского родословия» – памятник официальной историографии грозненской эпохи (1560-е гг.), вобравший в себя много материалов из предшествующего летописания, но с их основательной, целенаправленной и в общем успешной идейной и литературной переработкой.

Основная цель авторов «Степенной книги» – демонстрация богоизбранности династии, правившей Русью непрерывно с Рюрика до Ивана IV. Они представляют ряд «агиобиографий» (по выражению П. Г. Васенко²⁹) правителей, и главной фигурой в этом ряду является Владимир Святославич (Святой), благодаря которому на Русь пришло христианство. Рюрик уходит несколько в тень, но все-таки ему посвящены часть 2-й главы и целиком 3-я глава 1-й «Степени». Во 2-й главе говорится о его происхождении от Августа через Пруса, а 3-я повествует о «Начале в Руси Рюрикова самодержавства в Новѣгородѣ». Тем самым, с одной стороны, Рюрик оказывается важен как «посредник» между императором Августом и династией русских князей, и в этой перспективе сохраняет значение «римская легенда». С другой стороны, на передний план выставлены «самодержавство» Рюрика и тот факт, что оно началось именно в Новгороде – недавно сокрушенном оплоте независимости от московской власти. В этом смысле авторы «Степенной книги» продолжают ту инструментализацию изначального «династического мифа» Сказания, которая была намечена еще в московском великокняжеском летописании конца XV в.

В описании «Рюрикова самодержавства» для доказательства извечности и нерушимости власти Рюриковичей над новгородцами и над всею Русскою землею используется рассказ Никоновской летописи о Вадиме. Именно в этот эпизод перемещается основной идеологический акцент, а о самом «призвании» сказано кратко и мимоходом: «Послашя русь к варягомъ, зовуще ихъ дръжавъствовати Рускою землею». В связи с «обладанием» новгородцами и подавлением мятежа Вадима приводится целое рассуждение о «непременности» «державного ига», утвержденного Рюриком: «Новгородци же, видѣвше Рюриково доброродство и мужественное его остроумие, и яко пророчествоваху, глаголюще к себѣ: “Разумеите, братие, яко непремѣнно имамамы быти подѣ единѣмъ игомъ дръжавно обладаемаи отъ сего Рюрика и отъ роду его, и не токмо упразднится ими самовластие наше, но и рабы имъ будемъ”. Тогда бо Рюрикъ

²⁹ Васенко П. Г. «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. Ч. 1. СПб., 1904. С. 232.

уби нѣкоего храбра новгородца именемъ Вадима и иныхъ многихъ новгородцевъ, съвѣтниковъ его. Аще тогда и нечестиви бяху новгородци, но обаче по проречению ихъ, паче же благоволениемъ Божиимъ, и донинѣ царствуютъ ими отъ Рюрикова сѣмени благородное изращение, якоже преже в нечестии повиновахуся имъ и до сего блаженнаго Владимира, – наипаче же егда отъ святаго сего Владимира сподобишяся познати сущаго Бога и просвѣщени быша святымъ крещениемъ, и сияху благочестиемъ, и неподвижно и неотступно вѣру Христову дръжаще, и непремѣнно обладаемаи Владимировыми благородными чяды и внучаты и в роды и роды»³⁰.

Смысл «пророчества», вложенного автором текста в уста новгородцев, и комментария самого автора состоит в тезисе, что власть династии, основанной Рюриком («Рюрикова сѣмени благородное изращение»), безгранична и безусловна («самовластие упразднится», подданные – «рабы»), а также богоустановлена («благоволением Божиим»), особенно («наипаче») с момента ее «просвещения святым крещением», т. е. с Владимира.

Предлагая свою переработку Сказания, «Степенная книга» сводит воедино все элементы и аргументы династического мифа, развитого уже в предшествующем летописании, и представляет в «торжественных словесах» самодержавие Рюриковичей «палладиумом России». В этой модели этногенетическому мифу места не было. О происхождении руси в «Степенной книге» не говорится вовсе ничего – ни о народе, ни об его имени. Название *русь* вводится как нечто само собой разумеющееся в сообщении о призвании Рюрика с братьями: в одной фразе действующим лицом выступают новгородцы, мера и кривичи, а в следующей уже русь, и автора это ничуть не смущает. Очевидно, название и происхождение подданных, лишенных «самовластия», были ему просто безразличны – «рабы» лишь унавоживали почву для того «благоплодного сада», которым разрослась богоизбранная династия³¹.

Принципиальным образом ситуация меняется в историографии XVII в., в которой династический элемент уходит на задний план, а акцент заметно смещается в сторону этногенетических поисков в контексте русского и шире – славянского – единства. В этом контексте скандинавское происхождение руси уже было неуместно, поэтому она возводится непосредственно к славянам, а «миграционная

³⁰ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Тексты и комментарии: В 3 т. / отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. Т. 1. М., 2007. С. 222–223.

³¹ Ср.: Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009. С. 479–481, 531–535, 550–551.

модель» и этническая природа варягов (указанные в Сказании) так или иначе переосмысляются. И само внимание к истокам народа, и историческое обоснование славянского единства, и стремление установить «автохтонность» населения – все эти тенденции развивались под влиянием ренессансной историографии, которое шло главным образом через польские хроники (от Длугоша до Стрыйковского). Польская литература усваивалась «русскими» книжниками в Речи Посполитой, а уже через их посредство влияние доходило до московской историографии. Ренессансная историография, отказавшаяся от Провиденциализма в понимании истории, несла также новое отношение к историческим источникам – более критическое, основанное на рациональной оценке фактов прошлого.

Первым в ряду произведений «русской»/украинской историографии, где выражен совсем иной взгляд и подход к проблеме «начала Руси», выступает Густынская летопись. Автор этого произведения, составленного в первой половине XVII в., в принципе опирался на русскую летописную традицию, начиная с ПВЛ, но привлекал также польские хроники, используя как разного рода сведения из них, так и, главное, распространенные в них приемы рациональной исторической критики. Этот подход сказался, в частности, при обращении автора к Сказанию.

Само Сказание передаётся в Густынской летописи в целом близко к варианту ПВЛ (по редакции, представленной в Ипатьевской летописи) с сохранением основного сюжета «призвания». Однако автор тут же приводит некоторые сведения, дополнительные к ПВЛ, а также даёт от себя довольно пространный комментарий³². Манера, в которой работает автор текста, ближе к методам современной науки, чем к провиденциалистским нарративам средневекового, особенно московского, летописания. Так, известия ПВЛ он оценивает как мнение Нестора (его он считает автором ПВЛ), существующее *наряду* с известиями или мнениями других «летописателей». Окончательное суждение выносится только после сравнения разных взглядов и на основе рациональной аргументации. Не углубляясь в описание источников, которые имел в своем распоряжении составитель Густынской летописи, и методов его работы с ними, я только отмечу, что политико-династический миф, заложенный в древнее Сказание и очень важный, как мы видели, для московских книжников XVI в., практически не интересен и не актуален для историка, работавшего на Украине в первой половине XVII в.

Главный вопрос, который автор ставит для себя и своих читателей, изложив Сказание: «Чесо ради нашъ народъ русю наречеся».

³² ПСРЛ. Т. 40. СПб., 2003. С. 26–27.

Отвечая на этот вопрос, он остаётся исключительно в рамках этногенетических поисков. Эти поиски уводят его далеко от того «мифа», который предлагался ПВЛ, и перебираются самые разные варианты с учетом мнений как русских летописцев (например, высказанного в Воскресенской летописи тезиса о происхождении этнонима *русь* от города Руссы), так и польских историков. В итоге автор приходит к следующему выводу: «Мню, яко паче въсѣхъ сихъ достовѣрнѣиши се есть, еже преподобный отецъ нашъ Несторъ, лѣтописца рускии, глаголетъ, яко от вожа, си есть князя своего Рурика, сие имя приять русь, понеже въ оная времена от вожовъ своихъ славныхъ и храбрыхъ народы и языки обыкошася именовати, якоже ляхи от Леха, чехи от Чеха и проч. Сице и наша русь от Рурика, князя своего, иже из Руския землѣ к нимъ пришед... от его же рода даже и доселѣ русские князи родъ свои ведутъ».

Таким образом, автор следует известной эпонимической легенде о Чехе и Лехе как прародителях, соответственно, чехов и поляков³³ и в «воже» Рюрике видит прародителя руси. Рюрик тем самым оказывается важен не столько как основатель династии (впрочем, это обстоятельство отмечается), сколько как эпоним – он дал имя «нашей руси». Хотя автор признает «достовернейшими» сведения ПВЛ, он сильно отстает от концепции «Нестора» – тот совсем не считал, что имя руси происходит от Рюрика; это – «этимологическое» открытие автора Густынской летописи. Коренным образом меняется и оценка варягов: если в ПВЛ на них держится «миграционная модель», то в Густынской летописи они оказываются народом, чуждым руси, – просто в числе тех соседей, от которых «наша русь многия пакости имееху». Автор Густынской был знаком с легендой о Прусе (который у него тоже выступает эпонимом), но характерно, что тезис о происхождении Рюриковичей от Августа не звучит – династический миф для этого историка-летописца совершенно не актуален³⁴.

В общем такой же подход к Сказанию, какой продемонстрировала Густынская летопись, свойствен двум более поздним украинским историческим сочинениям – «Хронике» Феодосия Сафоновича (1672) и «Синописису», авторство или редакция которого приписывается Иннокентию Гизелю (1674)³⁵. Составители этих сочинений менее зависимы от древнерусского летописания и вольнее обраща-

³³ Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века. СПб., 1996. С. 141–282.

³⁴ Ср.: ПСРЛ. Т. 40. С. 17–18.

³⁵ Феодосій Софонович. Хроніка з літописців стародавніх / підготовка тексту до друку, передмова, комент. Ю. А. Мицика, В. М. Кравченка. К., 1992. С. 58; ΣΥΝΟΠΣΙΣ, или Краткое Собрание от Разных Лѣтописцев о Началѣ

ются с текстом древнего Сказания, в чем-то сокращая его (опуская, например, знаменитые слова об отсутствии порядка в «обильной» земле), а в чем-то дополняя (например, вводя в рассказ Гостомысла как выдающегося «мужа» в среде новгородцев). Но, как и составитель Густынской летописи, они в интерпретации Сказания тоже делают акцент на проблеме происхождения руси как имени и народа. Эта проблема разбирается и отдельно от Сказания в связи с другими сюжетами – о расселении народов, грамоте Александра Македонского и др.

По тем или иным деталям и частным вопросам между Густынской летописью, «Хроникой» Феодосия и «Синописом» могут быть расхождения (например, Феодосий и «Синопис» не принимают эпонимическую легенду о Рюрике или Русе как первопродке руси; зато Густынская и Феодосий появление названия *русь* связывают с варягами, а «Синопис» считает его возникшим задолго до них; по-разному каждый из них толкует о том, кто такие были варяги, и т. д.). Но в принципе они мыслят в одних понятиях, опираются на примерно один и тот же набор теорий и используют похожие методы историко-этимологической критики – примитивной с точки зрения современной науки, но оперирующей рациональными аргументами. В данном же случае самое важное состоит в том, что их внимание к Сказанию обусловлено преимущественно этногенетическими поисками, а не интересом к династическому мифу. От этого последнего можно заметить лишь отдельные элементы или черты.

Так, Феодосий делает одно замечание о Рюрике с братьями, в котором обнаруживает признание «римской легенды» происхождения московских правителей: «А тыи три кн(я)зи варазские от цесаров рымских поколѣня род свои проводили, от которых и н(ы)нешние цари православныи московские свое поколѣня проводить»³⁶. В «Синописе» вроде бы и вообще ничего не говорится о связи Рюриковичей с римскими императорами, и только вдруг в сообщении о вокняжении Владимира Святого в Киеве автор неожиданно проговаривается: «Великий Князь Владимиръ Свѣтославичъ, идуць отъ корене Августа кесаря Римскаго, владѣвшаго всею вселенною, внуць Игоревъ, правнукъ Рюриковъ»³⁷. Это, пожалуй, едва ли не единственные обломки той мощной династической конструкции, которую строила московская историография первой половины – середины XVI в. Никаких политических выводов ни Феодосий, ни автор «Синописа» из этих кратких замечаний не делают.

Славяно-Российскаго Народа, о первоначальных кн[я]зей Б[о]госпасаемаго Града Киева... Киев, 1782(1674). С. 7–8, 19–20.

³⁶ Феодосий Сафонович. Хроника. С. 58.

³⁷ ΣΥΝΟΠΣΙΣ. С. 38.

Интереснее выражения, которые использует автор «Синописа» в комментарии к рассказу о призвании варягов. Он подчеркивает, что призванные три брата по главе с Рюриком «прияти бывше от всѣхъ россовъ съ великою радостию и благодарствиемъ», и тут же еще уточняет, что они между собой разделили «государство Русское добровольно отъ народа добровольнаго подданое»³⁸. Ключевыми мне видятся здесь слова «государство» и «добровольно», которые перебрасывают мостик к научным теориям XVIII–XX вв., воспевавшим мирный («добровольный») характер образования Древнерусского государства в результате согласия «власти» и «народа/общества». Это – новый шаг в интерпретации политико-династического мифа Сказания, уходящий от средневекового династического пафоса и открывающий социально-правовые аспекты образования «государства».

И в своем внимании к этнической стороне «начала Руси» украинские авторы XVII в. находятся на некоем промежуточном этапе между средневековыми этногенетическими теориями и концепциями «модерной» рациональной науки³⁹. Они практически порывают с «миграционными» мифами и стараются, наоборот, найти автохтонные корни народа, судьба которого их волнует. Характерно, например, что если в древнем Сказании «призыв» к варягам исходит от разных народов (в т. ч. и не славянских), то в «Синописе» действующим лицом в этой истории выступают уже только одни «россы». Автор рассматривает «россов» как народ, уже давно (со времен библейского Ноя) сложившийся и занявший определенную территорию, который взаимодействует с другими народами только как «соседями». В важнейших исторических событиях этот народ выступает единым целым, по-видимому, так, как он должен был бы выступать в эпоху, современную самому автору. Очевидно, мы имеем дело с модернизацией, т. е. переносом в прошлое идеалов книжников, которые ду-

³⁸ Там же. С. 19.

³⁹ О переходности и «промежуточности» украинской историографии XVII в. часто говорят, хотя понимают ее по-разному. Так, «Синопис» некоторые ученые скорее относят к современной рациональной науке (Милюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. Т. 1. М., 1898. С. 7–16), другие видят в его авторе «не столько историка-рационалиста по польско-ренессансному образцу, сколько политика, который обращается к известным мифам» Средневековья (Джираудо Дж. «Русское» настоящее и прошедшее в творчестве Иннокентия Гизеля // *Mediaevalia Ucrainica*. Ментальність та історія ідей. Т. 1. Київ, 1992. С. 94). Замечу от себя, что вообще-то рационализм вполне мог сочетаться с политической ангажированностью (ср.: Еремин И. П. К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. X. Л., 1954. С. 212–222).

мали о единстве всей руси в политических и конфессиональных условиях XVII в. и конструировали некий единый «славяно-российский народ». Именно на таких (ре)конструкциях строился «модерный национализм», т. е. новый миф – миф, которому суждено было великое будущее, но уже в рамках совсем не средневековых представлений.

В Московском государстве эксплицитные формулировки новых подходов в историографии отмечаются лишь с конца XVII в. Еще в 1660-е – начале 1670-х гг., когда в России работал хорват Юрий Крижанич, воспитанник Римской курии и проповедник унии, его труды, в которых он резко критиковал и рассказ о «призвании варягов», и «римскую легенду» «Сказания о князьях владимирских» как «басни», выглядели совершенно одиноко и не были поняты. Крижанич настаивал на том, что «славянский народ» издавна расселился по Европе и никаким другим народам не был ничем обязан – ни династией, ни регалиями, ни иным чем-либо. Насколько справедливо называть его первым «русским националистом»⁴⁰, можно спорить, но в его взглядах, в самом деле, просматривается подход ренессансной историографии, направленной на оправдание «автохтонных» корней населения в контексте некоей «супраэтничной» общности (славянской – подобно «германской», «готической» и т. п.), и отдельные его мысли и приемы исторической критики перекликаются с писаниями и высказываниями ученых XVIII–XIX вв.

Вместе с тем в летописании XVII в. явно заметен кризис концепций XVI в. Так, А. Л. Гольдберг, задавшись вопросом, как воспринимали в XVII в. идею «Сказания о князьях Владимирских» о происхождении Рюриковичей от Августа, отмечал «постепенное угасание интереса не только к самой «римской легенде», но и к ее идейному содержанию». Он объяснял это явление тремя причинами: 1) идея не соответствовала традиционному сюжету Сказания о призвании варягов, 2) она не была актуальна после смены династии на московском престоле, 3) сказывалось «нарождавшееся в то время недоверие к старинным басням, желание проверить их другими источниками», т. е. распространявшиеся методы рациональной исторической критики⁴¹.

Наверное, все эти факторы имели значение. Но, кажется, дело не только в них. Были какие-то более глубокие изменения в историческом сознании, которые заставляли иначе смотреть на прежние мифы и идеологические конструкции. Любопытным свидетельством этих перемен могут быть исторические легенды о происхождении

⁴⁰ См., например: Вальденберг В. Государственные идеи Крижанича. СПб., 1912. С. 133–163.

⁴¹ Гольдберг А. Л. Указ. соч. С. 73.

Руси и отдельных городов Руси (например, Москвы), распространившиеся в России в XVII в. Среди них особенно выделяется т. н. «Сказание о Словене и Русе», которое включило частично рассказ о призвании варягов.

«Сказание о Словене и Русе» – сочинение, созданное в 1620-е – 1630-е гг., вероятно, в Новгороде, бытовало и отдельно, и в составе летописей⁴². Оно содержит фантастический рассказ об истории древних славян, часть которых под предводительством Словена и Руса заселили область вокруг озера Ильмень и реки Волхова и основали Новгород⁴³. Автор, с одной стороны, явно отталкивался от каких-то местных новгородских преданий и сказаний с топонимическими объяснениями (типа того, которое отразилось в Воскресенской летописи), а с другой, опирался на известную легенду о Чехе, Лехе и Русе и какие-то польские хроники (возможно, «Хронику» Бельского). Завершается сочинение рассказом о призвании Рюрика с братьями в том его варианте, который представлен в «Сказании о князьях Владимирских». Однако, несмотря на упоминание о происхождении Рюрика от Августа, династический миф фактически не актуален в этом тексте. Как справедливо отметил А. Л. Гольдберг, «мысль о высоком происхождении русских правителей отступает в новой повести на задний план, тогда как главными оказываются утверждение протяженности отечественной истории и расширение ее границ за счет общеславянского мифотворчества»⁴⁴.

Действительно, главной целью автора «Сказания о Словене и Русе» было «встроить» в общеславянский контекст историю Руси и Новгорода и показать ее древность и независимость от каких-либо внешних влияний и миграций: русь – это славянское население Восточной Европы, обосновавшееся здесь задолго до всяких варягов, у руси издавна были свои «русские владетели» (в частности, мудрый Гостомысл), они получили подтверждение на власть от Александра Македонского и т. д. В этом смысле «Сказание о Словене и Русе» вполне соответствовало обозначенным выше идеям и подходам ренессансной историографии. Этногенетические поиски корней здесь совершенно вытесняют те или иные политико-династические конструкции. Более того, в этой парадигме приходится даже специально оправдывать сюжетные ходы, связанные с династической истори-

⁴² См.: Буланин Д. М., Турилов А. А. Сказание о Словене и Русе // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII век). Ч. 3: П–С. СПб., 1998. С. 444–447.

⁴³ См. текст по Никаноровской летописи: ПСРЛ. Т. 27. М.; Л., 1962. С. 137–141.

⁴⁴ Гольдберг А. Л. Легендарная повесть XVII в. о древнейшей истории Руси // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XIII. Л., 1982. С. 51.

ей, например то же «призвание». С точки зрения «славянорусской» «самобытности», которую отстаивает автор «Сказания о Словене и Русе», может показаться странным, что новгородцы призывают чужеземцев на «самодержавство». И вот автору приходится сочинять речь Гостомысла, в которой тот, обращаясь к новгородцам, оправдывает призвание Рюрика с братьями, потомками Августа: «Нѣсть вам срамо таковымъ покоритися и в подданну сихъ быти»⁴⁵. Здесь харизма происхождения от Августа служит уже не столько восхвалению династии, сколько доказательству соответствия ее представителей выдающимся чертам «славных» россов.

«Сказание о Словене и Русе» было не только популярно в читательской среде, но попало и в «официальное» московское летописание – в Летописный (патриарший) свод 1652 г. Через этот свод с ним познакомился Юрий Крижанич, который из всех древних летописных преданий только этот рассказ о древних славянах в Новгороде и одобрил⁴⁶. Это не случайные факты – они показывают, что новые веяния, которые шли из Европы, находили определенную почву и отклики в общественном сознании России XVII в. Старая «династическая» мифология сохраняла значение, но параллельно с ней начинались поиски новой исторической легитимации политических и общественных устоев – теперь в рамках (ранне)модерной «протонациональной» мифологии, которая использовала, но уже во многом и отбрасывала древние этногенетические теории.

Таким образом, «Сказание о призвании варягов» может служить показательным примером усвоения и переработки средневековых историко-политических «мифов» в Раннее Новое время – переломную эпоху развития идей абсолютизма и зарождения представлений, связанных с современным (модерным) национализмом.

«Политико-династический миф» Сказания оказался приспособлен в Москве XVI в. для целей легитимации царского самодержавия. В несколько приемов (Никоновская и Воскресенская летописи, «Степенная книга») московское летописание XVI в. создает на основе древнего новый миф, в центре которого стоит династия, презентующая себя как имперская. Для доказательства римского происхождения московских правителей была использована фигура Рюрика, «призванного» из-за рубежа, а на примере новгородцев показывалась абсурдность претензий «подданных» на «самовластие». В этом мифе изначальная идея водворения порядка *cum rege et lege* уступает место идее абсолютной богоустановленной

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 27. С. 141.

⁴⁶ Крижанич Ю. Политика / подг. текста В. В. Зеленина, пер. и коммент. А. Л. Гольдберга. М., 1997 (1-е изд.: 1965). С. 373–380.

власти. Этнический аспект не вызывает интереса при дворе московских самодержцев. Прус, созданный «римской легендой», служит чисто механической служебной фигурой; откуда взялся сам народ русь, иррелеванто; даже с политико-территориальной точки зрения не проводится идея единства народа руси, и подчеркивается лишь подвластность Новгорода династии Рюриковичей.

Перерождается и «этногенетический миф». Интерес к происхождению народа возрождается в XVII в., но он выглядит совершенно иначе в условиях влияния ренессансной историографии и появления «протонационального» дискурса. «Миграционная модель» происхождения руси если и не отбрасывается вовсе в сторону⁴⁷, то во всяком случае оказывается в ином контексте теорий об общеславянском единстве. Скандинавское («немецкое» по представлениям XVI–XVII вв.) происхождение рассматривается как сомнительное и даже предосудительное. Династический миф уходит совершенно в тень в украинской историографии XVII в., а в московской (великорусской) он сохраняется в переложениях Сказания, основанных на Воскресенской летописи, «Степенной книге» и других памятниках летописания XV–XVI вв., но не разрабатывается.

Весьма любопытное явление представляет собой «Сказание о Словене и Русе». Обычно в этом произведении видят прежде всего «нелепые упражнения» примитивного «исторического баснословия»⁴⁸. Однако в этой «сказке» есть и «намек», и «урок» для современного историка, если посмотреть на нее как на пример этногенетических поисков, рожденных новой эпохой и совершенно несовместимых с «династическими» конструкциями XVI в. Утверждение некоей народной самобытности в общеславянском контексте видят в трудах и высказываниях деятелей, которые проявили активность как проводники «западных» идей и подходов в Московском государстве не ранее 1660-х гг., – прежде всего Юрия Крижанича и Симеона Полоцкого⁴⁹. Но подобные тенденции просматриваются и в «Сказании о Словене и Русе», которое было создано не позднее конца 1630-х гг., пускай пока и в виде фантастических построений, без использования методов исторической критики. При чем конструкция «Сказания о Словене и Русе» базировалась явно на каких-то мест-

⁴⁷ См. о сочетании миграционных и автохтонных моделей в историографии XVI–XVII вв.: Мильников А. С. Указ. соч. С. 270 и след.

⁴⁸ Тихомиров М. Н. Развитие исторических знаний в Киевской Руси, феодально-раздробленной Руси и Российском централизованном государстве (X–XVII вв.) // Очерки истории исторической науки в СССР / под ред. М. Н. Тихомирова, М. А. Алпатова, А. Л. Сидорова. Т. I. М., 1955. С. 95–96.

⁴⁹ См., напр.: Бушкович П. Православная церковь и русское национальное самосознание XVI–XVII вв. // *Ab Imperio*. 2003. № 3. С. 112–114.

ных легендах, бытовавших и ранее. Это значит, что осмысление собственного прошлого и в XVI в. могло в некоторых общественных слоях и кругах отличаться от официальных династических конструкций. В XVII в. эти латентно присутствовавшие представления об отличительных чертах «своей» общности находят выражение в формах, которые сочетали традиционные черты и внешнее влияние и которые можно назвать раннемодерными, потому что они создавали предпосылки для новой (модерной) национальной парадигмы осмысления русской истории.

А. В. Сиренов

КОНЦЕПЦИЯ ДИНАСТИЧЕСКОЙ МОНАРХИИ В РОССИИ XVII – первой половины XVIII в.

Династическая идея формировалась в русском историческом нарративе на протяжении XVI в. Первые этапы этого процесса можно проследить в «Послании Спиридона-Саввы о Мономаховом венце», в «Сказании о князьях владимирских» и некоторых других исторических произведениях первой половины XVI в. Во вполне завершённом виде она представлена в выдающемся памятнике русской исторической мысли середины XVI в. – «Степенной книге»¹. С благополучием царствующей династии Рюриковичей в «Степенной книге» связаны все успехи Русского государства начиная с X в. до царствования Ивана Грозного. Разумеется, это интеллектуальное построение сохраняло силу и в последующее время, в XVII–XVIII вв. Но все осложнялось тем обстоятельством, что в 1598 г. династия Рюриковичей прервалась, и воцарившаяся в 1613 г. династия Романовых к прежней прямого отношения не имела.

Однако династическая концепция использовалась при первых Романовых для легитимации новой династии. Характерно, что в дело пошли попытки связать родственными узами Романовых с последними Рюриковичами. Действительно, Михаил Федорович приходился двоюродным племянником последнему царю из династии московских Рюриковичей – Федору Ивановичу, мать которого, как известно, происходила из рода Романовых.

Заслуживает внимания подмена, которая находит место в литературно-историографических памятниках и документах первой по-

---

¹ Сеницына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. С. 174–220; Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009. С. 466–562.

Опарина Татьяна Анатольевна, кандидат исторических наук, профессор по кафедре всеобщей истории искусств Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова (Москва), декан факультета искусствоведения.

Русско-украинские и русско-греческие связи; миграции и литературные заимствования в Восточной Европе раннего Нового времени; иностранцы в России допетровского времени.

t-a-opart@yandex.ru

Полехов Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, Институт российской истории (Москва) РАН.

Социально-политическая история Великого княжества Литовского в XIII–XV вв.; источниковедение; археография.

sergey.polekhov@gmail.com

Рахимзянов Булат Раимович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани (Казань) АН Республики Татарстан.

Этническая история российских татар; татарская идентичность; средневековая история России (в особенности восточная политика Московского государства); теоретические вопросы исторического познания и исторической памяти.

bulatraim@mail.ru, bulatraim@yahoo.com

Саганович Генадь Николаевич, кандидат исторических наук, профессор Европейского гуманитарного университета в Вильнюсе.

Общественно-политическая жизнь ВКЛ XVI–XVII вв.; историческая мысль в советской Беларуси; историческая политика в Восточной Европе.

sahanovich@gmail.com

Синкевич Наталия Александровна, кандидат исторических наук, ассоциированный участник проекта «Религиозное знание в раннеמודерной Европе (800–1800)» (<http://www.uni-tuebingen.de/forschung/forschungsschwerpunkte/graduierntenkollegs/gk-religioeses-wissen.html>).

Межконфессиональные отношения в Восточной Европе раннего Нового времени; интеллектуальные процессы и духовные течения в украинских землях XVI–XVII вв.

nsinkevych7@gmail.com

Сиренов Алексей Владимирович, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, член-корреспондент РАН.

История России позднего Средневековья и раннего Нового времени; древнерусское летописание; древнерусская агиография; памятники изобразительного искусства Руси XV–XVIII вв.

sirenov@rambler.ru

Стефанович Петр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор Научно-исследовательского университета – Высшей школы экономики / Институт российской истории (Москва) РАН.

История средневековой Руси; история России XVI–XVII вв.; история Русской православной церкви.

petr_stefanovich@hotmail.com

Ткачук Виталий Анатольевич, аспирант Киевского национального университета им. Шевченко.

История Церкви в Украине XVII–XVIII вв.

vitaliy_tkachuk_@ukr.net

Ульяновский Василий Иринархович, доктор исторических наук, профессор Киевского национального университета имени Шевченко.

История Церкви; история восточноевропейского Средневековья и Нового времени; история исторической мысли.

Штайндорфф Людвиг, Dr. habil., профессор восточноевропейской истории Университета им. Христиана Альбрехта в Киле.

Культурная история Древней Руси; городская история юго-восточной Европы в Средневековье; религия и нация в юго-восточной Европе XIX–XX вв.; социалистическое государство и религиозные институты.

lsteindorff@oeg.uni-kiel.de

СОДЕРЖАНИЕ

Введение к сборнику	5
Восточные славяне в поисках новых надрегиональных идентичностей (конец XV – середина XVIII в.) в контексте зарождения современных наций в Европе. Идея проекта	13
<i>Мартынюк А. В. (Минск, Беларусь).</i> Древняя Русь после Древней Руси: к теоретической постановке проблемы	29
<i>Штайндорфф Людвиг (Киль, Германия).</i> Наследие Киевской Руси в восприятии «западных» авторов раннего Нового времени	38
<i>Одесский М. П. (Москва, Россия).</i> Максим Грек и Петрарка («Слово о нестроениях и бесчиниях»)	49
<i>Конявская Е. Л. (Москва, Россия)</i> Тверь в XV веке: грезы о прошлом и будущем	57
<i>Полехов С. В. (Москва, Россия).</i> Литовская Русь в XV веке: единая или разделённая? (На материале конфликтов между русскими землями Великого княжества Литовского и государственным центром)	70
<i>Кяупене Юрате (Вильнюс, Литва).</i> Проблема самоидентификации русинов в контексте зарождения раннемоде­р­ной нациогенетической мифологии Великого княжества Литовского	93
<i>Воронин В. А. (Минск, Беларусь).</i> «Свиток Ярославль» в церковной и интеллектуальной жизни Великого княжества Литовского конца XV – первой трети XVII в.	106
<i>Дзярнович О. И. (Минск, Беларусь).</i> «Русь» и «Литва» Великого княжества Литовского в XVI–XVII вв. как этноконфессиональные и социально-географические регионы	119

<i>Ульяновский В. И. (Киев, Украина).</i> Старая, Литовская, Речь­по­спо­лит­ская и Московская Русь в представлениях двух князей Константинов Острожских и творцов острожской книжности	133
<i>Домбровски Дариуш (Быдгощ, Польша).</i> Поиски древнерусских предков со стороны семей ВКЛ и Московии XVI – первой половины XVII в. (избранные примеры)	170
<i>Рахимзянов Б. Р. (Казань, Россия).</i> Ордынское наследие и историческая память Московской Руси: могли ли татары стать фактором восточнославянского дискурса? (заметки на полях)	184
<i>Дмитриев М. В. (Москва, Россия).</i> Православное и «русское» в представлениях о «русском народе» Речи Посполитой (конец XVI – середина XVII в.)	193
<i>Граля Хероним (Варшава, Польша).</i> «Ruś nasza» vs. Московия. Наследие Древней Руси как инструмент дипломатии Польско-литовского государства XVI – первой половины XVII в.	215
<i>Опарина Т. А. (Москва, Россия).</i> Немосковское православие в оценке русских духовных властей: каноническое право и церковная практика (1620-е гг.)	242
<i>Саганович Г. Н. (Минск, Беларусь).</i> Брестский игумен А. Филиппович и виленский архимандрит А. Дубович: о самоидентификации двух русинов XVII в.	253
<i>Синкевич Н. А. (Киев, Украина; Тюбинген, Германия).</i> Два вектора православной идентичности в Украине XVII в.? Москва и москвиты в двух произведениях Могилянского времени.	272
<i>Бовгиря А. М. (Киев, Украина).</i> «Хозары во козаки именуются посем»: этногенетические концепты в украинских текстах XVII–XVIII вв.	291
<i>Ткачук В. А. (Киев, Украина).</i> Гетман Иван Мазепа и актуализация культов древнерусских святых.	307
<i>Стефанович П. С. (Санкт-Петербург, Россия).</i> Легенда о призвании варягов в историографии XVI–XVII вв.: от средневековых мифов к раннемоде­р­ным	326
<i>Сиренов А. В. (Санкт-Петербург, Россия).</i> Концепция династической монархии в России XVII – первой половины XVIII в.	345
<i>Доронин А. В. (Москва, Россия).</i> Древняя Русь до Древней Руси: М. В. Ломоносов о началах российской нации	358
Об авторах	394

Научное издание

Post-Древняя Русь: у истоков наций Нового времени

Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*

Редактор *Е. А. Кочанова*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Долманова*

Компьютерная верстка *М. М. Ветрова*

Корректор *Е. Л. Бородина*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 00.00.2017

Формат 84х108/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 25.

Тираж 000 экз. Заказ

Издательство «Политическая энциклопедия»

127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1

Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс),

8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)